

К 80-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ОТ ВРАЖЕСКОЙ БЛОКАДЫ. У СТЕН ЛЕНИНГРАДА

Очерк, написанный Р. Капланом по воспоминаниям Николая Александровича Романова «Город-герой Ленинград вошел в его жизнь навсегда. И теперь, где бы ни жил он – здесь ли, в Заполярье, в степях ли Монголии или в других, менее экзотических местах – Ленинград неизменно с ним, в самом заветном Тайнике души. Слово «Тайник» возникло здесь не случайно: Николай Александрович редко рассказывает о войне и о блокаде, еще реже – о своем ратном подвиге. И многое из того, о чем вы сейчас прочтете, неизвестно даже его близким друзьям. Итак, короткий рассказ об одной солдатской судьбе...»

«НАКАНУНЕ

Февраль 1941 года. (Именно с этой даты повели мы здесь отсчет времени). Место действия – литовская земля. Фашисты совсем рядом. И хотя существует пакт о ненападении, хотя многим война с Германией кажется маловероятной, Николай Романов и его товарищи по воинской службе заняты в это время далеко не мирной работой. По приказу наркома Обороны вдоль границы, на линии Шяуляй—Таураге они возводят систему долговременных огневых точек. Они еще не знают, как мало им отпущено времени, не догадываются, как пригодится потом даже этот небольшой опыт. Лишь много позже, оценивая те короткие предвоенные месяцы и первые недели войны, Николай Романов поймет, что именно тогда они уже встали на защиту Ленинграда, и что их работа тоже помогла сбить темпы движения фашистов к городу на Неве.

...Первых убитых и раненых он увидел уже в 6 часов утра 22 июня. Это были жертвы вражеской авиации. Пользуясь фактором внезапности и численным превосходством, асы Геринга варварски, с малой высоты бомбили и обстреливали деревни и города Литвы, брали на прицел любую движущуюся мишень на дорогах. В части, где служил Николай Романов, погиб военврач. Они были весьма поучительны, эти страшные первые часы вторжения. Теперь уже никто не сомневался, что за ними последуют месяцы и годы борьбы, борьбы с врагом, по жестокости не имеющим равного в истории. Уже тогда они верили в победу. Именно верили, потому что уверенность придет позже. А пока отступали, цепляясь за каждый рубеж, за каждую пядь земли. ...27 июня они готовят оборонные сооружения в районе Тарту. Местное население помогает инженерным войскам.

...7 июля – та же работа под Псковом. Псковичи сутками работают вместе с бойцами.

...20 июля – подготовка линии обороны вблизи Кингисеппа. Здесь Николай Романов впервые узнал ленинградцев: десятки тысяч людей, невзирая на бомбежки, самоотверженно выполняли свой долг перед Родиной. Деревни Пески и Койроло в районе Красного Села – последний рубеж, подготовленный бойцами – товарищами Николая Романова.

НА ПЯТАЧКЕ

В этом горьком и памятном сентябре немцев остановили на подступах к городу. Тысячи и тысячи бойцов и командиров отдали ради этого жизнь. Но борьба продолжалась, и командование Ленфронта принимало меры для восполнения потерь. Одна из них – организация в городе различных курсов младших лейтенантов. Уже в октябре начались занятия. Среди слушателей – будущих командиров инженерных войск был и рядовой Романов.

В Ленинград он попал впервые в жизни. До сих пор память хранит точный адрес – улица Воинова, 41, или как по старинке называли здесь это здание – «казацкие казармы». Это – центр города. Рядом Нева, Летний сад, Смольный... Все, о чем он читал и слышал прежде, теперь, в короткие часы отдыха, можно было увидеть своими глазами. К тому же в начале осени город этот красив особенно. Ленинград бомбили в это время особенно варварски. По несколько раз в сутки были сирены, горели и рушились уникальные здания, гибли люди — по дороге на работу,

в заводских цехах, в своих квартирах. Но в ожесточенном лае зениток, в свете прожекторов, шаривших по ночному небу, в суровом облике города, одевшего военную форму и укрепившего каждый дом и каждую улицу, уже виделось то, что впоследствии назовут невиданным примером мужества и массового героизма.

Враг рвался в город. Союзником его стал голод. «Уже 1 октября, — вспоминает Николай Александрович, — были отменены все дополнительные пайки, в том числе и для военнослужащих. Неимоверно трудными были ноябрь и декабрь. Голод и холод, вражеские снаряды косили людей. К концу года осложнилось положение на фронте. Нас, курсантов, решено было отправлять на передовую».

...14 декабря, в районе Лисьего носа их подразделение вышло на лед Финского залива. Путь их лежал через Кронштадт на Ораниенбаум (теперь город Ломоносов). Немецкая авиация их прозевала. Зато начеку был мороз: в Ораниенбаум Николай Романов пришел с обмороженными ногами. Почти год он пробыл на этом непокоренном клочке ленинградской земли. Николай Александрович и его друзья-саперы, превозмогая голод и холод, под обстрелом батарей врага возводили инженерные сооружения, командные пункты и огневые точки. Они готовились к длительной обороне.

Часто им поручали операции по подрыву минных полей фашистов. Пожалуй, это было самое трудное и рискованное дело. Не раз Николай Романов с группой из пяти человек уходил в ночь. Почти под носом у немцев они проделывали, казалось бы, невозможное: на предполагаемом минном поле устанавливали взрывное устройство, потом с расстояния 50 метров подрывали его. От детонации взрывались соседние, вражеские мины».

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Командиром он все-таки стал. В начале октября 1942 года его снова направляют в Ленинград для продолжения учебы. Здесь, в нетопленных классах, обессиленные голодом, но не сломленные, они постигают основы минного дела, буровзрывных работ, строительства заградительных сооружений и многое другое.

«Интересно было, — вспоминает Николай Александрович, — преподаватели были отличные и, слушая их, забывали обо всем, хотя, — он смущенно улыбается, — голод не тетка... Обессиленные очень: на третий этаж, в классы подымались с отдыхом на каждой площадке. Но долг свой понимали и учились с энтузиазмом».

1 июня 1943 года они стали — офицерами. Спустя два дня младший лейтенант Романов принял саперный взвод, державший оборону в районе города Колпино. Здесь, возле села Красный Бор, как он считает, и было настоящее боевое крещение. Ставили ложные дзоты. Затопят возле такой огневой точки печурку — и к своим. А вражеская артиллерия вскоре открывает по «объекту» огонь. В это время работы хватает всем: наша разведка засекает огневые точки фашистов, а саперы считают снаряды, потраченные немцами на эту «липу». Это — будни. Постоянно здесь шли бои, редкие по своей ожесточенности и упорству. Земля принимала ежедневно град, снарядов, мин и бомб. Все, что могло сгореть — сгорело, все, что могло быть разрушено — было разбито. Интересно, что когда саперам понадобился лес для оборонных сооружений, то бревна доставляли поездами из Ленинграда — ночью, без огней и сигналов. Но держались. Люди стояли насмерть: за ними был Ленинград.

Сентябрь 1943 года памятен по-особому. В один из дней, в перерыве между боями открылось ротное партсобрание. В землянке при свете трофейных свечей Николая Романова приняли кандидатом в члены партии. Проголосовали единогласно: парень 10 лет в комсомоле, боевые показатели у него хорошие, главную задачу знает...

ВОЗМЕЗДИЕ

Спустя месяц, в ноябре 43-го года их 131 дивизию (55-й армии) целиком перебрасывают в уже знакомый Николаю Романову Ораниенбаум. Теперь его взводу предстоит совсем другая работа. Предстоит в течение двух месяцев разминировать множество участков фронта, подготовить к моменту прорыва проходы для танков и пехоты. Со своей задачей они справились образцово: 18 человек обезвредили более шести тысяч мин различной конструкции и назначения!

К новому году в этом районе на один километр приходилось 50 стволов нашей артиллерии и минометов. Все было готово к штурму, ждали заветного часа.

Именно в это время, 29 декабря у Николая Романова своя большая радость — ему у самой передовой вручают партийный билет.

И вот 14 января. Никогда прежде и в последующие годы войны он не видел и не увидит такой мощной артподготовки, такого огненного смерча. Два часа не смолкала наша артиллерия. А потом начался долгожданный штурм вражеской обороны. Уже 15 января 131 дивизия овладела г. Ропша. Николай Романов получил за Ропшу свою первую боевую награду — орден Красной звезды. В конце ноября 1944 года на р. Нарва состоялся бой, о котором Николай Александрович вспоминает с особой гордостью. «К вечеру этого памятного дня, - рассказывает он, - в живых нас осталось 8 человек: начальник штаба батальона, командир стрелкового взвода, четыре солдата, и я сапер. Патроны и гранаты были на исходе. На счастье, обнаружили на брустверах и в траншеях несколько немецких автоматов и пулемет. Понимали, что наши подойдут скоро, но фронт длиною 200 метров решили удержать. Атаковали нас силы врага до батальона. Когда зажгли мы первую ракету, то показалось, будто движется на нас все поле - так много ползло солдат. Открыли огонь, пытаюсь создать видимость широкой обороны. Для этого с одного фланга на другой перетаскивали пулемет, перемещались сами. В течение ночи нас атаковали несколько раз, но безрезультатно. Видно, у немцев плохо работала разведка: так ничего и не добившись, они откатились. А у нас все живы, даже никто не ранен. Утром подошли наши части». За этот бой Николай Романов был награжден медалью «За отвагу».

К весне 1945 года была освобождена вся территория Эстонии. Николай Александрович Романов - участник боев на этой земле. Последняя операция, за которую он был награжден вторым орденом Красной Звезды - это десант на остров Сааремаа в апреле, в самом конце войны. Впрочем, слова «конец войны» в данном случае несколько условны. Даже после 9 мая Романов, и его солдаты продолжали воевать на свой лад: их взвод с мая по август обезвредил на Сааремаа более 14 тысяч фашистских мин. И не было ничего горше, чем терять солдат после победы...»

(Ф.52.Оп.1 Д.75 л.40)